

Лес - наш ДОМ

Евгения Кибе

Евгения Кибе

Лес – наш дом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70338670

SelfPub; 2024

Аннотация

Вы любите ваш дом? Бережете его? Вот и звери, птицы, гномы, деревья любят свой дом. А когда приходит беда, когда дом хотят уничтожить, то даже враги объединяются, дабы противостоять злу. Гном Пуфик и его друзья доверились человеку, который им и помог предотвратить страшную трагедию- вырубку их родного леса.

Евгения Кибе

Лес – наш дом

Глава 1

Гном Пуфик сидел в своем домике в дубе у камина в мягком кресле и грел озябшие ноги. Огонь весело потрескивал, тепло разливалось по комнате, а Пуфик кутался в пушистый разноцветный плед.

Зима. Самое спокойное время года для гномов и леса. Деревья, земля, все укрыто белым пуховым одеялом. Тишина, спокойствие. Природа спит и набирается сил на весну, лето и осень, когда надо трудиться, запасаясь на следующую спокойную и сонную зиму.

Холодный ветер кружил снежинки в бешеном ритме за окном. В трубу завывал ветер и заставлял плясать огонь в камине все быстрее и быстрее.

– Ну когда же снова придет лето? – вздыхал Пуфик, зарываясь все глубже в плед.

Чай, налитый в плюску, а по-простому шляпку от желудя, уже остыл. Гному не хотелось вылезать из-под пледа и идти снова ставить чайник, сделанный из металлической крышки от бутылки, на огонь. Вообще не хотелось ни шевелиться, ни двигаться, а просто греться, греться и ещё раз греться.

Пуфик чувствовал, что начинает погружаться в приятную и тягучую дремоту. Сон обнимал гнома сзади, глядя по го-

лове и, воркуя на ухо звуком ветра, пытался убраться от тоски по лету. Вдруг в дверь кто-то постучал.

Сон, как живой человек, сразу встрепетал и убежал прочь, оставив Пуфика под теплым пледом.

– Кого там ещё принесло? – печально прошептал он себе под нос, и лениво пошёл открывать дверь.

Сложно вылезать из нагретого местечка, когда в комнате все же, несмотря на огонь в камине, прохладно. Засунув ноги в зеленые с помпонами тапочки, Пуфик прошаркал к двери.

– Кто там? – спросил, зевая.

– Это я, Мушка, пусти, – прозвучал приглушенный, переплетавшийся с завываниями ветра, голос.

Пуфик распахнул дверь и пропустил друга и стаю снежинок, преследовавших его, внутрь.

– Ты чего в такую темень и выюгу по лесу ходишь? – удивленно спросил Пуфик.

Мушка, отряхивая перед дверью со своего темно-зеленого пальто снег, протянул для пожатия руку.

– Здорово. Да вот новости у меня для тебя есть. И не самые хорошие.

Пуфик в удивлении поднял брови. Зимой и новости?

– Проходи. Что в дверях стоять-то? – пригласил Мушку к очагу.

– Да, спасибо. У тебя чаёк-то есть горячий? А то я вот что прихватил, – сказал гость, доставая кулек, от которого исходили сладкие ароматы корицы и ванили.

Аппетитный запах распространился по комнате, служившей Пуфику и гостиной, и спальней, и кухней, и ванной одновременно.

Гномы жили скромно. Ни у одного, даже самого почетного и старого гнома, не было ни замков, ни дворцов. Для комфортной жизни хватало одной комнаты в дупле дерева. Дубы были самым излюбленным местом, куда селились многие лесные жители, не только гномы. Конечно можно было встретить собратьев и в липах, соснах, кленах, но предпочитали они могучие стволы именно дубов.

Но самое интересное было то, как деревья выбирали своих жильцов. Да, да. Именно деревья, а не гномы. Гном подходил к дереву и, закрыв глаза, обнимал ствол могучего исполина, мысленно начинал говорить с ним. Спрашивал, как дерево себя чувствует, как долго уже живет, что видело и слышало. Самый важный вопрос "Как твое имя?" задавался в самом конце беседы и, если дерево открывало свой секрет, то тогда гном мог смело заселяться в его дупло или под корни. Дерево открывалось для него или нее, становилось другом, а не просто домом.

Стандартное жилище начиналось с маленькой прихожей. На стене на уровне глаз были вбиты небольшие гвоздики, служившие вешалками для верхней одежды. Чуть правее располагался маленький рукомойник, под которым на деревянной табуреточке стоял тазик для грязной воды. У рукомойника висело зеркало и стояло мыло, сваренное из золы,

которой с лихвой хватало в камине.

Спальня располагалась обычно в небольшом углублении стены дома, скрытая от посторонних глаз простыней или занавеской. Кровати у гномов были самые простые, сколоченные из деревянных брусков. Набитый соломой матрац, либо, если были знакомые домовые, то пухом от домашней птицы или счесанной шерстью животных, располагался на кровати.

На противоположной стороне комнаты была кухня. Обычно она состояла из тазика для мытья посуды, шкафчика с глиняными горшочками, тарелками и чашками, чайником, деревянными ложками и вилками. Там же стоял обеденный стол. А по центру дальней стены красовался главный атрибут любого гномьего дома – камин. Он был и источником и тепла, и горячего чая и еды.

Каждый гном гордился своим домом и старался украсить как мог, что бы гости, желанные и днем и ночью, могли восторгаться красотой и уютом.

– Есть чай. И кресло у камина для тебя, друг, всегда готово.

Мушка с Пуфиком дружили с самого детства. Хоть и не были братьями по крови, но считались братьями по душам.

Гномы уселись в кресла, придвинутые близко к огню, разлили горячий мятный чай по чашечкам, раскрыли кулек со сладким печеньем и принялись уплетать его за четыре щеки.

– Мушка, так что ты там про новости говорил, когда зашел? – спросил, наевшийся досыта Пуфик.

Мушка вытянул ноги вперед и сладко потянулся.

– Да не хорошие новости. Мне тут по секрету один домо-
вой сказал, что лес наш вырубать хотят.

В комнате повисло гробовое молчание. Стало слышно, как падают снежинки за окном на белый снег, серебривший-
ся в лучах вышедшей красавицы Луны.

– Не понял... Как вырубать?– удивленно приподнял бро-
ви Пуфик.

– Топорами, понятное дело, – горько усмехнулся Мушка.

– Да мне не техническая сторона процесса интересна, – со
вздыхом сказал гном. – Я понимаю, как это делают, но зачем
и на сколько эта информация правдива?

– Вообще источник надежный. Он в доме председателя
деревни живет за печкой. Все слышит и все запоминает. Го-
ворит, что по весне хотят начать. Так что, у нас может меся-
ца 2, 3 максимум, а потом все.

Пуфик заметно приуныл. Съеденное печенье и чай пере-
стали радовать желудок, который начал громко и противно
урчать. Не от голода на этот раз, а от страха. За свой дом, за
себя, за своих друзей и родных, которые обитали в этом лесу
веками.

– Как же мы?

– А что мы? – переспросил Мушка.– Мы же не существу-
ем. Мы же сказочные персонажи – не больше, – печально
проговорил он.

– Надо собирать совет, – решительно проговорил Пуфик.

Мушка оторвался от чашки чая.

– Да, я тоже подумал об этом, но решил сначала все с тобой обсудить. Ты же умный и придумаешь, что можно сделать.

– Соберем совет и вместе решим, что делать, но дом наш надо как-то спасти, – громко стукнув по ручке кресла кулаком, провозгласил Пуфик.

Когда Мушка покинул дом друга, Пуфик начал ходить от одной стены своего уютного и милого домика к другой, засунул руки в карманы. Он мерил те самые сантиметры, которые были ему дороги, которые достались по наследству от дедушки, а тому от его дедушки, а тому от его и так далее до бесконечности.

И что теперь получается? Кто-то что-то решил и из-за этого им всем надо бросать свои дома? Точнее своих друзей, принявших их, доверившихся? Но как? Как забрать ту память, тот кусочек сердца, который сросся с этим дубом, кроватью, столом, камином. Как это все сделать?

Пуфик умылся, почистил зубы и залез в кровать под вязанный плед. Лунный свет пробирался в дом через окошечко и мягко освещал мебель, картины на стенах, ковер на полу.

Эта ночь стала одной из самых беспокойных в жизни Пуфика. Он долго не мог уснуть, крутился, пытаясь отогнать от себя страшные мысли о будущем.

Глава 2.

– Дорогие гномы, попрошу спокойствия, – пытался пере-

кричать староста общины шум и гомон, который подняли тысячи гномов, собравшиеся на поляне в лесу, что бы обсудить грядущую катастрофу.

На лес опустилась тьма, вокруг лежал белый, рассыпчатый снег, который не прилипал ни к одежде, ни к ботинкам, но громко хрустел под озябшими ногами. Холод кусал гномьи носики и щёки. Собрание затягивалось, но никто, несмотря на темноту и поднимающийся ветер, не хотел уходить домой.

Перед лицом беды в данный момент они были едины. Все эти гномы чувствовали, что горе их объединяет, и страх, хоть и не уходил, но становился немного тише в душах.

– Дорогие мои, послушайте, если мы не перестанем кричать, то нас могут услышать случайные люди, забредшие в лес. Да и вопрос не решим, перебивая и не слушая друг друга.

Понемногу голоса затихали и староста наконец-то продолжил.

– Я понимаю ваше состояние. Я так же был в ужасе от известий, которые мне сообщили, но мы с вами не можем сейчас предаваться горю и плакать. Нам надо что-то решать, – он окинул взглядом толпу, смотревшую на него и ожидавшую того самого решения, ради которого все и собрались, – предлагаю согласиться с большинством. Предлагаю переезд.

Пуфик, стоявший во втором ряду почувствовал, как в душе поднимается злость от несправедливости. Почему кто-то

собирается разрушать его милый домик? Почему он должен куда-то уходить? Они живут в этом лесу и это их лес. А люди придут откуда-то со стороны, сровняют лес с землей и уйдут. Им все равно, где вырывать деревья, осушать реки. А для гномов это вопрос жизни и смерти.

Прошла неделя с того момента, как Мушка с Пуфиком сообщили новость о вырубке леса старосте, а тот уже всем гномам. Сколько было разговоров, сколько пролито слез на кухнях друг друга. Некоторые гномы уже начали собирать вещи, искать новое жилье или планировали отправиться к родственникам в другие леса.

Пуфик громко и четко сказал:

– А почему это мы должны уходить?

Староста и гномы, стоявшие рядом, уставились на него с удивлением.

– То есть, как? Не понял вопроса, – медленно проговорил староста.

– Да мне просто интересно стало, а что будет, если мы останемся и попробуем отстоять свои дома?

Из толпы раздались удивленные возгласы, вздохи и даже смешок.

– Нет, я серьезно. Мы соберемся, уйдем, может быть даже найдем новые дома, но кто или что помешает тем же людям прийти и вырубить ещё один лес, потом ещё и ещё. И так может быть до бесконечности. Вы же знаете, что сложно остановиться, когда васильковое варенье начинаешь есть.

Оно вкусное. Ты съел одну банку и вроде как сыт. Проходит день и ты снова лезешь в чулан за следующей банкой. А потом, через какое-то время банок уже не остается. Так и с лесами может случиться!

Послышался одобрительный ропот.

– Но, Пуфик, – обратился к нему староста, – ты же понимаешь, что, если мы не уйдем вовремя, то вообще не успеем подготовиться к следующей зиме. Надо выбирать, либо погибнем сами, либо погибнут наши дома.

– Я понимаю и никого не заставляю оставаться со мной. Но я никуда не уйду.

Мушка схватил друга за руку и зашептал на ухо:

– Ты что? Зачем? Как ты собираешься остановить бульдозеры и огромных людей в желтых касках?

Староста пристально смотрел на Пуфика. На его лбу как-будто возник образ весов, на чашах которых лежали доводы "за" и "против". Поколебавшись несколько минут, староста вынес свое решение.

– Мое решение: кто хочет, тот уходит со мной с началом капели. Остальные могут остаться. Мы подготовим дома и запасы на зиму в другом лесу, что бы, если вам не удастся остановить этот ужас, было куда идти. О том, где и какой лес, сообщат белки, присланные нами. Кто согласен с этим?

В толпе стали подниматься руки. Решение старосты было самым правильным и честным. Ведь среди гномов были и дети, и старики, которые не переживут зиму вне теплых до-

МОВ.

– Я вижу, что все "за". Значит заканчиваем собрание. Сборы можете уже начинать. Но помните, мы идем своим ходом. Нам конечно могут помочь друзья – животные и птицы, но им самим придется заниматься переездом. Так что, собирайте только то, без чего точно не сможете обойтись на новом месте первое время, что нельзя будет сделать. Всем спасибо. Всем спокойной ночи.

Гномы стали расходиться по домам. Тяжело было на душе у каждого. Если староста принял решение, то ему обязаны подчиниться все гномы. Таков нерушимый порядок. Старосту выбирает староста, уходящий на покой. Одного и на всю жизнь. А гномы обязаны следовать всем его указаниям, что бы всегда был порядок и мир. За многие годы и века правления, староста узнал каждую семью, характер каждого гнома, жившего с ним в одном лесу. Иногда казалось, что он как-будто считывает мысли.

Предложение Пуфика остаться, выходило за рамки принятых правил. Не может разделиться община. Они едины и могут существовать только вместе. Но тем не менее любое решение, принятое старостой, никогда не подвергалось сомнению. Если оно даже кому-то не нравилось, то все равно надо было молча принять его.

Деление на тех, кто уходит, и тех, кто остается, было добровольным. Пуфик с удивлением узнал, что уходить собираются не все. Из тысячи гномов все же некоторые решили

остаться и поддержать Пуфика. И Мушка был одним из тех смельчаков, которые собирались бороться за свою землю.

– Почему ты не ушел? – спросил Пуфик друга через пару месяцев после собрания, сидя у реки по которой бежали расколотые льдины, растопленные теплым весенним солнцем.

– Да я тебя не хотел оставлять. Новый дом может я и смог бы найти, а вот друга, сомневаюсь.

Однажды утром, когда капель уже была в самом разгаре и приближалась настоящая, теплая, пахнувшая цветами мать-из-мачехи и новой зеленью, весна, староста призвал всех снова на совет.

– Мои друзья, семья, день настал. Через неделю мы покидаем наш лес. Надеюсь, что не на всегда. За старосту, у тех смельчаков, которые решили все же остаться в нашем лесу, будет, – выдержав паузу, добавил, – Пуфик.

Гном от удивления потерял дар речи. Как же так? Он вообще не знает, как кем-то руководить. Как решать проблемы? Споры? Он не может.

– Но..., – начал было Пуфик.

– Я научу тебя всему, что нужно, – спокойным голосом ответил староста, видя, что у гнома начинает от волнения краснеть лицо, – У нас есть время и не будем его тратить попусту. Собрание закрыто. Если есть вопросы, то приходите в мой дуб. Для каждого двери моего дома открыты.

Гномы стали расходиться по своим деревьям, а Пуфик стоял на месте, как замороженный. Из ступора его вывело

прикосновение к плечу.

– Не волнуйся, – ласково сказал Староста, – все будет хорошо и ты справишься. Помни, что бы ни случилось, вы всегда можете покинуть наш лес и уйти следом. Никто не посчитает вас трусами или предателями. Одно то, что вы решились попытаться защитить лес – дорогого стоит.

Пуфик попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривая и печальная. Внутри все дрожало от страха и волнения. Скоро, совсем скоро, все изменится. Жизнь никогда не будет прежней. По крайней мере для него.

Глава 3.

Ночь тянулась бесконечно долго, как казалось Пуфику. Он ворочался, переворачивался с бока на бок. Сон все не хотел приходить, как бы не звал его гном. Страх заполнял его всего целиком и места сну просто не было. Когда первые лучи солнца проникли в дом через окно, Пуфик даже ощутил радость от того, что можно уже было просто встать с кровати.

Солнце приступило к работе. Оно отогревало землю, речку, давая силы растениям пробивать себе путь наружу. Почки, набухшие на деревьях, выпускали постепенно зеленые липкие и нежные листочки.

Выпив горячего ромашкового чая, что бы немного успокоится, перекусив нехотя овсянкой, Пуфик засобирався к старосте. Он не хотел идти к тому сразу, так как мысли все ещё скакали, как взмыленные кони по полю, а задумал немного посидеть на берегу реки, прогуляться по любимому,

проснувшись от зимней спячки, лесу.

Только гномик дошел до прихожей, что бы снять с вешалки пальто и окунуться в весеннюю утреннюю прохладу, как услышал стук в дверь.

– С добрыми вестями или как всегда?– пробормотал он себе под нос, открывая входную дверь.

От удивления он подался немного назад.

– Вы?

– Да, – послышался из-за двери голос старосты, – можно к тебе?

Гном ничего не смог ответить. Нерешительно кивнул и отошел в сторону, пропуская гостя.

– Пуфик, – бодрым голосом проговорил гость, – угостишь чаем? А то замерз и промок, пока к тебе пробирался через лужи и остатки снега.

Староста улыбался, снимая с себя пальто. Сняв ботинки, сунул ноги в гостевые войлочные тапочки, которые были в хозяйстве каждого уважающего себя и соплеменников, гнома.

Чайник весело выпускал пар, призывая снять его с огня, огонь же игриво гладил поленья, которые мирно потрескивали в камине, и казалось, что два гнома, сидящих в креслах, встретились, что бы поболтать о пустяках. Но такое умиротворение и спокойствие были только с виду. Напряжение, царившее в доме, ощущалось в воздухе.

Свет от огня в камине освещал лицо старосты, казавшее-

ся ещё более морщинистым, чем обычно. Сухими тонкими пальцами он сжимал плюску с горячим чаем. Серебристые от седины волосы падали на высокий лоб, закрывая его.

Пуфик смотрел на рисунок на пледе, которым укрыл ноги, и думал, был ли староста вообще когда-нибудь молодым? Сколько помнил себя гном (а прожил он на свете уже добрых несколько веков), его гость всегда был таким. Может быть только морщинок на лбу было меньше. Да, время бежит и меняет все и всех.

– Думаешь, я всегда был таким старым? – спросил, хитро подмигивая Пуфику, староста, – Удивлю тебя, не всегда. Когда на земле не жило ещё столько людей, сколько сейчас, я был молод. Мои волосы были такие же черные, как твои. И звали меня не всегда "старостой". Многие, кто помнит меня по тем временам, уже позабыли мое настоящее имя. Да я и сам временами начинаю забывать его. Завиток. Так давно никто меня не называл. Просто по имени, – гном грустно усмехнулся и продолжил серьезным голосом, – Но не будем обо мне. Я пришёл не просто в гости. Хочу поговорить о том, что предстоит тебе после того, как мы с общиной покинем этот лес. Страшно? – спросил староста, глядя на огонь.

– Да, – тихо проговорил Пуфик. – И даже очень.

– Это нормально. Бояться не стыдно. Храбрый не тот, кто не чувствует страха, а тот, кто старается его побороть, несмотря ни на что, – в глазах Завитка загорелись искорки, – А не боятся только полные глупцы.

– Вы тоже... боитесь?

– Да. И даже очень.

Пуфик, почувствовал, как начинает медленно отступать тот панический ужас, который сковывал его всего внутри. Он боялся бояться, но, уж если такой старый и опытный гном говорит, что у него внутри тоже сидит это чувство, значит все нормально. Гном с облегчением выдохнул.

– Пуфик, открою тайну, как быть старостой. Тайна в том, что нет никакой тайны. Нет никакой премудрости. Относись ко всем так, как ты хочешь, что бы относились к тебе. Будь справедлив так, как ты хотел бы, что бы были справедливы по отношению к тебе. Не ври, не юли, не мсти. И всегда, что бы ни случилось, ставь себя на место другого. Понятно, что невозможно влезть в чужие тапочки, – Пуфик бросил удивленный взгляд на тапочки своего собеседника, – но, по крайней мере, постарайся встать рядом с ними.

Завиток отхлебнул из своей чашки.

– То есть, мне не надо читать километры книжных страниц? – с удивлением и даже как-будто разочарованием спросил Пуфик.

Завиток улыбнулся.

– Представь себе, нет. Я мог бы тебе записать то и это, но суть в том, что бы оставаться гномом в любой ситуации. Сложно тебе, больно, обидно, но ты должен быть справедлив ко всем одинаково. Ты не должен относиться к кому-то "справедливее" только потому что он твой друг или брат. В

этом и есть самое главное и самое сложное.

Пуфик взглянул в окошко, прорезанное в стене дома. Мимо пролетали радостные птицы, несущие в клювиках веточки для постройки гнёзд. Слышны были их весенние песни. Казалось, что они призывали каждого присоединиться к ним, что бы славить весну и пробуждение природы.

"День просто обязан быть хорошим" – пронеслось в голове у Пуфика.

– Кстати, сегодня у тебя будет первое разрешение конфликта.

Настроение у гнома сразу же упало, не успев взлететь. Снова застучало где-то в районе горла сердце. Почему-то, когда он волновался, его сердечко всегда подпрыгивало так высоко, что готово было выскочить наружу.

Он сглотнул.

– Это как?

– А вот так. Сегодня будет разбираться спор между твоим другом Мушкой и его соседкой Мартой. Они не могут поделить чайник, который Мушка, с его слов, одолжил Марте. Он просит его вернуть, а Марта в свою очередь говорит, что чайник ее.

Пуфик схватился за голову. Первое дело, да ещё такое сложное. А самое ужасное – в нем замешан его друг.

– Но как же я могу? Мушка же мой друг... Лучший друг...

Староста встал со своего места, поставил чашу на стол и потрепал Пуфика по руке.

– Мне жаль, что тебе предстоит сразу же столкнуться с таким сложным спором. Но решение должно быть справедливым. Ты должен выбирать всегда правду. Тем более, если кто-то врет в такой мелочи, то почему ты думаешь, что он не сможет соврать и в чем-то большем?

Пуфик хотел было встать, что бы проводить гостя.

– Не провожай меня, – проговорил Завиток, – Сегодня с закатом мы будем разбирать дело. Я рассчитываю на тебя.

Когда захлопнулась дверь, Пуфик откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Может быть сказалось волнение, а может бессонная ночь, но, скорее всего и то и другое. Гном уснул.

Ему снилось, как он бежит по лесу со своим чайником и кричит, что это его и только его вещь. Вокруг прыгают белки и кидают в него орешки, зайцы громко хохочут над ним, а волк с лисой презрительно смотрят в его сторону, разворачиваются и уходят в чащу, помахивая в такт пушистыми хвостами.

Пуфик проснулся от стука в дверь. Огонь в камине почти погас и стало немного зябко в комнате. Стук повторился снова. Кто-то громко и настойчиво пытался пробиться к нему в дом.

Потянувшись, гном выглянул в окно. Солнце уже начало садиться. Сколько же он проспал? В желудке урчало и страшно хотелось пить. Стук вновь повторился, но он был уже значительно громче.

Пуфик медленно подошел к двери и открыл ее.

На пороге стоял взволнованный Мушка.

– Привет! Я уже сбился с ног тебя искать. Сейчас староста будет разбирать мой спор по поводу чайника. Помнишь, был у меня такой с нарисованным цветочком? Так вот, я его дал Марте попользоваться, а она мне его не хочет возвращать. Я к старосте пришёл с этим и вот сейчас начинается все. Пойдем быстрее.

Мушка от волнения тараторил и не мог стоять на одном месте спокойно. Он переваливался с ноги на ногу, поглядывая в сторону поляны, на которой всегда происходили самые важные встречи и собрания.

Пуфик быстро подбежал к умывальнику, смыл наскоро с лица остатки сна, засунул ноги в ботинки, накинул на себя пальто и подошел к другу, ждавшему его в прихожей.

Выбегая из дома, Пуфик думал только об одном "поскорее бы все это закончилось". Почему он не сказал Мушке, что сегодня будет сам разбирать спор, он не знал.

Добравшись до поляны, друзья увидели, что большинство гномов уже собрались. Некоторые медленно продолжали подтягиваться, болтая кутаясь в весенние пальтишки. Староста уже стоял посередине поляны, рядом с ним сидела на стульчике Марта и перед ней стоял чайник. Тот самый предмет спора. Местами черный от копоти, местами исцарапанный.

Пуфик повернулся к Мушке и посмотрел пристально ему

В глаза.

– Друг, прости меня.

– За что? – непонимающе спросил Мушка.

– За то, что я сегодня буду твоим судьёй.

Мушка замер с застывшей глупой улыбкой на губах.

– Почему ты? Как? Уже?

Пуфик понимал, что имеет ввиду Мушка. Он ждал того, что рано или поздно его друг станет старостой, но не думал, что этот момент настанет так скоро.

– Все нормально, – улыбнулся он. – Ты останешься моим другом несмотря ни на что. Но я не вру, – проговорил он, подмигнув Пуфику, – ты же и так это знаешь. Идем!

И двинулся смело вперед, таща за собой за руку друга.

Глава 4.

Гомон и смех разлетались над поляной. Высоко над головами собравшихся уже всюду трудились Луна и маленькие звездочки, загоравшиеся на небе одна за другой, освещая место собрания.

– Попрошу тишины, – громкий голос старосты перекрыл остальной шум, – У меня важное объявление. Сегодня мы будем разбирать спор Мушки и Марты. Предмет спора – чайник. Но спор разбирать буду не я, а мой преемник – Пуфик.

В толпе послышалось возмущение.

– Но он же его друг.

– А как он может спор решать, если не знает ничего?

– Давай может ты, староста, сам!

– Да дайте молодому гному проявить себя !

– Тишина! – ещё громче прогремел Завиток. – Я решил.

Это будет Пуфик, – и, повернувшись к своему помощнику, спокойно и тихо добавил, – начинай.

Пуфик вытер запотевшие от волнения ладошки о пальто и начал с того, с чего всегда начинали разбирать споры гномы. Он вышел в середину поляны, положил руку на сердце и, глядя на небо, начал свою речь:

– Я, староста общины, веду спор. Обещаю, что буду выслушивать всех, кому есть что сказать. Обещаю, что не загляну в свое сердце и не тронет мой взор слеза, – гном повернулся в сторону гномки и проговорил, – Марта, даю тебе слово. Рассказывай, но помни, что правда пробьет себе выход даже через камни.

– Через камни, – повторила эхом та и начала. – Да рассказывать-то и нечего. Мой чайник и точка.

Пуфик от такого короткого рассказа даже немного растерялся, но потом, взяв себя в руки, обратился к Мушке.

– Мушка, даю тебе слово. Рассказывай, но помни, что правда пробьет себе выход даже через камни.

– Через камни, – так же повторил Мушка последние слова. – Недели две назад ко мне пришла Марта и попросила одолжить ей чайник, так как свой она где-то потеряла. Я одолжил ей свой, но с условием, что она скоро себе новый сделает и этот отдаст мне. Мне не жалко, я готов ей отдать

этот чайник, но пусть признает, что этот мой. А то получается, что я вру.

Пуфик посмотрел на Мушку, потом перевез взгляд на Марту.

– Было такое?

– Чайник дал мне, это правда, но я вернула его. Принесла несколько дней назад и оставила у двери Мушки, так как его дома не было, – проговорила со вздохом Марта.

Пуфик смотрел на чайник и молчал. Время шло. Гномы начали шептаться, кто-то захихикал. Тогда староста на них громко цыкнул и на поляне снова воцарилась тишина.

– А какой ты чайник отдавал Марте? – спросил Пуфик у Мушки.

– Да такой по размеру, как этот, только на нем был нарисован цветочек.

– Марта, а на этом чайнике есть какие-то картинки?

– Да, тоже цветочек, – кивнула Марта, поправляя рыжие кудри, выбившиеся из-под шапки.

– Никто из гномов не может подтвердить или опровергнуть слова наших братьев?

Ответом была тишина.

Пуфик подошел к чайнику и взял его в руки.

– Огня мне, – проговорил он громко и четко.

Сразу вызвались два гнома сбегать за огнем домой. Темнота, накрывавшая лес, давала возможность гномам передвигаться по лесу и поляне, защищая от любопытных глаз

случайных путников. Если даже и забредал в такую глушь человек, то в темноте, разбегающихся по сторонам маленьких человечков, можно было принять за мышей-полевок. А вот с огнем было сложнее. Во-первых, вообще не было в пещерах гномов разводить огонь в самом лесу, так как стихиями сложно управлять. Ветер мог подуть и разнести искры по сторонам, что неминуемо привело бы к пожару. Ну а во-вторых, мыши-полевки огонь не разводят. Так что, для собраний выбирались ночи, когда Луна была полной, а небо чистым от туч.

Осветив чайник со всех сторон факелами, принесенными помощниками, Пуфик обнаружил какой-то странный рисунок под слоем копоти.

"Интересно, что это?" подумал он, а вслух приказал:

– Несите толченый кирпич и теплую воду. Будем отмывать чайник.

Потушив факелы, те же два гнома, что приносили огонь, побежали на этот раз за толченым кирпичом и водой. Марта стояла и удивленно смотрела на Пуфика.

– Странное место и время ты выбрал конечно для мытья посуды. Да ещё и не своей, – пробубнила она.

Когда работа была закончена, то на чайнике под копотью обнаружился рисунок. Цветочек! Но...

– Ты узнаешь рисунок? – спросил Пуфик друга, протягивая тому чайник.

– Нет, это не мой, – ответил Мушка, смущенно потушив

взгляд.

Под копотью оказался цветочек, но другой. У Мушки был синий, а у Марты на чайнике красовался фиолетовый.

– На чайнике другой цветок, как вы все видите, – провозгласил Пуфик, поднимая над головой чайник, освещаемый вновь зажженными факелами, – так что спор по поводу этого предмета закончен.

Мушка подошел к Марте, протянул ей руку и громко сказал:

– Прости меня.

Марта улыбнулась и пожала руку.

– Прощаю.

Пуфик хотел уже было распустить собрание, как услышал из толпы чей-то голос:

– погоди, Пуфик! Я чайник с синим цветочком нашел недавно! Он валялся на земле под деревом.

– Кто это сказал, выйди вперед и встань перед всем собранием! – громко провозгласил Завиток.

Из-за спин гномов, пробравшись сквозь толпу, показалась маленькая гномка по имени Кнопка. Она запыхалась, но все же, отдышавшись, начала говорить.

– Через камни! Обещаю, что буду только правду говорить. Чайник я нашла в тот день, когда был сильный ветер, помните? Тогда ещё у Рыжика чуть дом с корнем не вырвало? Так вот, – стала тараторить дальше Кнопка, – вышла я быстро из своего дома, что бы вытряхнуть коврик, а тут чай-

ник лежит. Красивый, большой. Я его к себе в дом и забрала, что бы дальше никуда не унесло ветром и собиралась старосте отнести, что бы выяснить чья вещь, да тут приболела и не до этого было. Не знала, что из-за него такие страсти кипят. Простите, я не хотела, что бы кто-то пострадал, да ещё спор начался.

– Ну что ж, – проговорил примирительным тоном староста, – раз потеря нашлась, то считаю спор разрешенным. Кнопка, отдашь сейчас Мушке чайник?

Гномка кивнула и схватила сразу же за руку Мушку, рядом с которым стояла, пока произносила свою речь.

– Да не вопрос, – быстро проговорила и потянула гнома за собой в сторону дома.

В темноте не было видно, как улыбался Пуфик. Его первый спор и так хорошо завершился.

Староста распустил всех по домам и подошел к своему преемнику. Похлопав его по плечу, промолвил:

– Молодец. Я могу со спокойной совестью оставить тебя здесь за главного.

Пуфик кивнул и натянуто улыбнулся. Волнение, которое только сейчас стало вылезать наружу, как-будто сковало его язык. Пуфик дрожал, но не от холода.

Он долго сидел на ветке, которая росла прямо рядом с дверью в его дом. Гном все не мог надышаться свежим, колючим ночным воздухом, заполнявшим его легкие. Ему казалось, что он стал каким-то невесомым, сильным, способ-

ным на любой подвиг и все, что задумал, осуществится.

– Нет, надо идти домой, а то скоро превращусь в ледышку, – сказал он тихо сам себе и поднялся с ветки.

Глава 5.

– Ну как тебе в роли старосты? Понравилось? – спросил Мушка Пуфика на следующий день, сидя на ветке дуба, в котором располагался Мушкин дом.

– Да ты знаешь, не особенно, – со вздохом ответил его друг. – Вчера мне было очень тяжело во время спора, потому что ты участвовал в нем. Я тебе верил всегда и вчера ни на секунду не усомнился в твоей честности. Но выносить решение о том, что ты спор проиграл, было невыносимо тяжело. Иногда мне кажется, что справлюсь, иногда, что нет.

Пуфик бросил вниз маленькую песчинку, которая лежала рядом с ним и грустно вздохнул.

Мушка потрепал друга по плечу и ободряюще сказал:

– Ты не один. Если что, то всегда помогу тебе. А если меня рядом вдруг не окажется, то тогда остальные наши, которые остаются, помогут. Не переживай.

Пуфик нахмурил брови.

– А ты знаешь, кто останется? Их вообще сколько?

– Не знаю точно, – ответил друг, – сначала хотели остаться многие, но сейчас... Давай мы сделаем так, зайдем в пару домов и попросим передать дальше по общине, кто не уходит, чтобы к вечеру пришли к тебе... Или ко мне.

– Да, давай ко мне тогда.

Пожав друг другу руки на прощание, гномы разбежались в разные стороны леса, чтобы посетить как можно больше домов до вечера.

Гномы – народ гостеприимный, если речь идет об их соплеменниках. Так что, забежать на пару минут и уйти не получалось никогда. Каждый норовил поговорить, обсудить все новости и вообще, угостить липовым чаем с ароматными печеньками.

К вечеру, валясь с ног от усталости, Мушка пришёл к Пуфику, в доме которого у камина уже грелись несколько гномов.

– Привет честной компании, – радостно проговорил Мушка, снимая пальто и вешая его на крючок у двери, – Тапочек больше нет? – спросил он, глядя на друга.

Тот пожал плечами и помотал головой. Было видно, что хозяину дома не очень комфортно от того, что он теперь в центре внимания. Не привык он к этому и чувствовал себя скованно и неудобно даже в своем собственном жилище.

– Давайте ещё немного подождем и потом уже начнем обсуждение, – предложил смущённый Пуфик тем гномам, что уже пришли.

По обе стороны от камина стояли братья-близнецы Мон и Ном, живущие в самой высокой и старой сосне. В кресле перед камином удобно расположился Рыжик, отличавшийся от всех гномов своей огненной шевелюрой. На кухне нареза-

ла хлеб Сина, жившая на самой верхней ветке того дуба, где обитал Мушка. За столом играли в лешенку, выбрасывая по очереди кубик, Ромашка и Зубчик, соединившиеся в союзе и жившие одной семьей.

Гномы не часто создавали семьи рано, так как такой союз никто и никогда не мог разрушить. Но эти двое, хоть и были молоды (всего по несколько веков) уже понимали, что только вместе могут быть счастливы.

Пуфик подошел к Мушке, когда тот вытирал руки полотенцем, и шепотом спросил:

– Ты знал, что Ромашка и Зубчик остаются?

– Да слышал, что Ромашка изначально уходит никуда и не планировала, а Зубчик не смог ее переубедить. Так что оба и остались. Отчаянная она конечно.

– Надеюсь, что они понимают, что может все закончиться не очень хорошо, – с печалью в голосе проговорил гном.

– Да брось ты так говорить, – бодрым голосом ответил друг, – Даже если не получится ничего, мы все же хотя бы попробуем. Да и нас все равно будут ждать остальные на новом месте. Не дадут нам пропасть следующей зимой.

В дверь кто-то робко постучал.

– Войдите, – крикнул Пуфик.

Дверь аккуратно отворилась и на пороге появилась Марта. Она стояла, сжав руки в кулачки, переминаясь с ноги на ногу и не решаясь пройти в дом. Из-под шапки выбились ее кудрявые волосы, на щеках пылал румянец.

– Можно мне... с вами, – робко проговорила Марта.

Мушка подошел к ней и протянул руку.

– Конечно. Мы тебе рады.

Марта смущенно улыбнулась и зашла внутрь. В комнате царил атмосфера радости и доброты несмотря на то, что всем тем, кто сейчас был здесь в этот самый момент, предстояла тяжелая борьба. Но никто не собирался унывать.

– Думаю, что больше уже никто не придет. Давайте обсудим нашу стратегию, – проговорил Пуфик, усаживаясь во второе свободное у камина кресло, повернутое спинкой к камину и в сторону гостей.

– Давайте, – задорно поддержала его Ромашка, откидывая длинную темную косу за плечи.

– Мне вот интересно, а кто знает, когда придут точно люди? – спросил, немного хмуря свой веснушчатый нос Зубчик.

– Я слышала, что уже через 10 дней где-то, – робко проговорила Марта.

– Мне тоже самое сказали домовые. А ты откуда знаешь? – удивленно спросил Мушка.

– У меня подруга в деревне живет и все мне рассказывает. Она тоже домовая, – с улыбкой ответила Марта.

– Тогда давайте решим, что будем делать, чтобы предотвратить уничтожение наших домов? Думаю, что звери и птицы нам помогут, – сказал Пуфик.

– Давайте мы с насекомыми поговорим, – бодро сказал

Ном, показывая глазами на брата, который согласно кивал головой – Многие уже проснулись, так что постараемся достучаться до всех.

– Да, у нас с ними дружба крепкая. После того, как мы стрекоз спасли прошлым летом, – поддержал того брат.

– Так... ну и, думается мне, надо наших собратьев из деревни попросить о помощи. Они там на месте смогут и информацию собрать, и, если надо, немного подзадержать людей с их машинами.

Они говорили, говорили, говорили. А на лес уже опускалась ночь, в тиши которой слышался шелест крыльев пролетающих сов. Где-то шуршали кусты, в которых притаились ночные звери, вышедшие на охоту.

И только в доме Пуфика было громко и никто даже и не помышлял о сне.

– Тогда делаем следующее, – подвел итоги Пуфик, после того, как каждый высказался и поделился своими мыслями и идеями – делимся на группы. Ромашка и Зубчик, ваша задача оповестить деревенских друзей о том, что им делать. Как вывести тракторы и другие машины из строя, сами пусть решают. Они больше в этом понимают. Все же живут с людьми бок о бок, так сказать, – гномы кивнули, – Мон и Ном – насекомые. Тут тоже все на усмотрение наших жужжащих и жалящих товарищей, – братья с улыбками потерли ручки, – Рыжик и Сина, для вас самая сложная задача. Вы будете жить в деревне и докладывать о том, что происходит.

– Но, – перебила гномка, – Пуфик, у меня же закваска для хлеба погибнет за это время... Да и растения надо поливать...

– Не переживай, – успокоил ее тот, – я буду следить за твоим домом.

Сина с облегчением вздохнула.

– Остаемся мы, – продолжил Пуфик, – Я, Марта и Мушка. Наша задача на данный момент – помочь уезжающим собрать вещи. А когда появятся машины и люди, вы нам сообщаете и мы идем в деревню. До тех пор мы будем помогать в переезде общине, следить за порядком в лесу, домах и приходить проверять вас на постах. Договорились?

Гномы дружно закивали.

– Тогда всем спать. Завтра будет очень непростой день. Как и все те, которые грядут.

Луна освещала ветку-крыльцо с которого спускались и расходились по домам гномы. Звезды игриво подмигивали им, желая удачи в их опасном и трудном деле.

Глава 6.

На следующий день смельчаки-гномы разошлись по тем местам, куда им указал молодой староста, а Пуфик, Мушка и Марта помогали собираться тем, кто покидал их родной лес со слезами на глазах и тяжестью на сердце.

Утро выдалось суматошным и не самым приятным. По-

могая гномам собираться, перетаскивая их котомки, коробки, корзинки с вещами, предметами обстановки домов на тележки, Пуфик и его друзья успели наплакаться вдоволь.

Глаза ещё горели от слез, когда последняя на этот день телега, скрылась за поворотом. На лес опустилась глубокая ночь.

– Ребята, если так и завтра будет, то я боюсь, что израсходую весь запас слез на оставшиеся тысячелетия, – сказала, утирая красные глаза рукавом пальтишка, Марта, когда она, Пуфик и Мушка сидели на ветке у ее дома.

– Мне кажется, что им тяжелее, чем нам. У нас есть немного больше времени, чтобы попрощаться с домом, если все же придётся уходить, – проговорил, вздыхая Мушка.

– Да, всем сейчас не просто. Завтра последние из наших отправляются и все... На этом все, – сказал Пуфик, поднимаясь со своего места, – Пора по домам.

– Ты как всегда прав, – проговорил Мушка.

Ночью, лежа в своей теплой и уютной постельке, накрывшись любимым пушистым пледом, Пуфик смотрел на огонь, танцующий в камине.

– Нет. Я отсюда не уйду. Пусть даже мой дом срубят, но я его не оставляю. Пусть рубят его со мной, – решительно проговорил он.

Дерево, ощущая боль и решимость своего гнома, зашумело ветвями в ответ. Печальный скрип, вырвавшийся наружу из самой сердцевины ствола, был похож на плач. Великан,

большой и могучий, грустил так же сильно, как и его маленький жилец.

Следующий день принес новую порцию тоски и горечи. Поздно вечером, провожая последнюю кибитку с соплеменниками, гномы и гномка решили отправиться в деревню.

– Здесь какое-то все стало пустое....чужое... – проговорила Марта, всхлипывая.

– Да, твоя правда, – ответил ей Мушка, глядя по плечу.

Дорога в деревню была не близкой. Маленькие ножки гномов упорно несли их хозяев вперед, несмотря на то, что утопали в грязи, появившейся после таяния снега. Над ними летал филин, сопровождавший друзей и предупреждавший, если на пути попадалась особенно глубокая лужа, сообщая, как и с какой стороны ее лучше обойти.

Когда уставшие, они добрались до окраины деревни, на которой печально и мрачно темнел полуразрушенный домишко, Мушка спросил, вытягивая ногу из очередной грязевой ловушки:

– Нам же в первый дом надо, правильно?

– Да, вроде как в этот. Так, по крайней мере, вчера голуби говорили, когда с новостями прилетали – ответил шепотом Пуфик, протягивая руку другу, что бы вытащить того из холодной и липкой грязи.

Филин кружил над ними, пока друзья не дошли до забора того самого заброшенного, одинокого дома, ухнул на прощание и растворился в ночной темноте.

Гномы подошли к крыльцу и , найдя известную им щель под первой ступенькой, пролезли внутрь. Пройдя немного вперед, они оказались у другой щели, ведущей на сей раз уже в самую избу.

Перед тем, как зайти внутрь, они постучали о деревянную балку камушком, валявшимся тут же у щели.

– Это мы пришли. Есть кто дома? – проговорил Пуфик и тут же в щели показалась голова Нома.

– Ооооо! Это вы! Заходите, – радостно проговорил один из близнецов.

Пуфик, Мушка и Марта пролезли через щель и тут же на них набросились с объятиями Ромашка, Зубчик, Мон и Ном.

– Ну вы и грязные, – проговорила Ромашка, смеясь, – Переодевайтесь да садитесь к огню поближе.

– Огню? – недоверчиво переспросил Пуфик.

– Да, – ответил Зубчик, – мы немного поработали и сделали печку из консервной банки, а к ней и дымоход, который идет до канавы в конце участка. Дыма не видно, даже если крутиться у дома. А вообще сюда никто не доходит. Боятся. Поговаривают, что в доме когда-то жила колдунья. Но нам это и на руку.

Пуфик кивнул и подошел к очагу. В избе было прохладно, так как дом, в котором долгое время не живут люди, теряет тепло, уют, а потом из него уходят и домовые. Так что, гномам приходилось стараться изо всех сил, что бы не замерзнуть, особенно ночами.

Огонь плясал в очаге, в который Ном и Мон по очереди подкидывали щепки. Пуфик, переодевшись в чистую одежду, сидел закутавшись в отрез шерстяного шарфа, который ему выдала Ромашка, попивая горячий чай и перекусывая черных хлебом, поджаренным на огне. Было горько, но в то же время и очень вкусно. Лицо и руки гнома перепачкались в копоти, от усталости слипались глаза, но он был счастлив и улыбался.

– Нас домовые подкармливают, – ответил Зубчик. – То хлеба, то сыра, то колбасы дадут. Они тоже переживают за нас и наш лес, так как понимают, что стоит только этой всей цивилизации прийти к нам, следующие, кому "повезет", будут они. Начнут скупать участки, а потом сносить дома и – он запнулся и отхлебнул чай из своей плюски.

Марта устала с дороги так, что даже не смогла подойти к огню. Ромашка уложила ее в одну из постелей, которые соорудили из соломы и старых носовых платков с помощью домовых гномы ещё в первый свой день в деревне. Мушка тихонько подошел к другу и сел рядом, взяв кусок поджаренного хлеба, протянутого Зубчиком.

– А где Сина и Рыжик? – спросил, удивленно оглядываясь Пуфик.

– Да они в доме председателя ночуют у домовых. Валерик и Петрус пустили их пожить у себя, что бы новости сами слушали и передавали нам. У домовых тоже же дел полно после зимы, – ответил, зевая Зубчик.

– Давайте спать, утро вечера мудренее, – проговорил Пуфик, прислоняясь к стене избы, рядом с банкой-печкой, в которой все ещё теплился огонёк.

Глава 7.

Живя в лесу, гномы конечно слышали выражение "встать с петухами", но что это на самом деле, не понимали. Они вели свободный образ жизни, занимаясь тем, что изготавливали себе и друзьям какие-то предметы быта, занимаясь собирательством, готовя еду, ходя в гости к друг другу. И, когда пернатая птица с гребешком, начала петь своим противным скрипучим голосом "кукареку", от страха и неожиданности Мушка свалился на пол.

– Доброе утро, – услышал он голос Пуфика.

Мушка увидел друга рядом с банкой-печкой, варившего в маленькой жестянке кашку.

– Доброе. Ты давно проснулся? – спросил, потягиваясь, он.

– Да я почти и не спал, – со вздохом ответил староста, – как-то сон не шел. Звуки, запахи, тут все другое.

– А остальные где?

– Марта убежала к Сине, остальные тоже разошлись по делам, – проговорил, снимая с огня завтрак Пуфик, – нам бы тоже не мешало заняться делами.

– Сейчас умоюсь и займемся, – бодро поднимаясь с пола, ответил Мушка.

В деревне жизнь не текла своим чередом. Рано утром приехали трактора и грузовики, в которых сидели люди в одинаковых робах.

Председатель, Ефим Петрович, человек уже в солидном возрасте, стоял у своего дома в валенках, овчинном тулупе, сложив руки на груди. Из домов на улицы высыпали люди.

– Кто председатель? – крикнул бородатый мужчина из первой машины, остановившейся у дома Ефима Петровича.

– Ну я, – нехотя ответил тот.

Заглохли двигатели и из кабины вышел тот самый бородач, держа в руках стопку бумаг.

– Доброе утро. Меня Виталий зовут. Я бригадир, – сказал, протягивая руку, которую с опаской пожал председатель, – вот бумаги. Вас должны были уже предупредить, что сегодня мы приедем.

– Да уж предупредили, – с грустной усмешкой, ответил Ефим Петрович.

– Вот и отлично. Можете нам показать место, где нам остановиться на время работ?

– Да, пойдете, – доставая ключи из глубокого кармана тулупа, ответил председатель и бодрым шагом направился к пустующей избе по соседству, которую приготовили для рабочих.

Дом был одноэтажный, с добротной свежепобеленной печкой. В избе стояло шесть кроватей, большой деревянный стол, две длинные скамейки и четыре стула. Рукомойник с

большим зеркалом располагались сразу рядом со входом. На окошках висели забавные занавесочки с оранжевыми мака-ми, которые когда-то скорее всего были красными, но солн-це и годы немного осветлили их.

– Ну вот. Принимайте, – проговорил председатель, вклю-чая свет и проходя в избу, – посуда в шкафу. Подушки и одеяла лежат на кроватях. Постельное надеюсь с собой взя-ли? У нас тут не отель. Если что, поделимся конечно, но... Продукты в нашем магазине продаются. Часы работы на его двери написаны. Полюбопытствуйте. Фельдшерского пункта нет. Это в соседнюю деревню ехать. Баню как топить знаете?

– Знаем, – ответил бородач, – я сам деревенский.

– Деревенский... И этим занимаешься..., – с укоризной проговорил Ефим Петрович.

– Мне эта работа тоже не по душе. Все детство рядом с таким же лесом прожил.

– Была бы не по душе, не делал бы. Но да ладно. Не дети уже. Позвольте откланяться, ежели вопросов ко мне нет.

– Пока нет, – ответил Виталий, грустно оглядывая избу, – Ну что ж, – тихо сказал сам себе мужчина, когда председа-тель оставил его одного, – жить вполне можно.

К вечеру вся деревня знала о том, что скоро, уже очень скоро начнут вырубать лес, который появился тут ещё задол-го до того, как построили первый дом в деревне. Деревья, видевшие многое на своем веку, лягут и погрузятся в вечный

сон. Их слезы и боль никто не увидит, так как все это они унесут с собой. Как и воспоминания о тех, кто прикасался к их стволам, сидел под ними, плакал и смеялся, охотился и собирал грибы.

– Видели уже этих? – сидя в избе на окраине деревни, спросила Сина .

– Да уж видели... Видели, – проговорил тихо Пуфик, поправляя палочкой щепки в их маленькой печке.

– Что делать-то будем? – спросил Мушка, – Весь день только крутились у этих машин, да дома, где рабочие... живут теперь.

– Будем что-то делать, – задумчиво произнес староста.

Гномы в полном сборе сидели у огня и молчали. Гнетущая тишина окутывала их, заставляя сердечки биться быстрее, чем обычно.

– Так, – поднимаясь, начал Пуфик, – Сина, Рыжик, вы же общаетесь хорошо с домовыми?

– Да нормально, – грустно ответил Рыжик.

– Сколько их по всей деревне?

– Пфффф, – гномка запустила руку в волнистые длинные русые волосы, – да не знаю я точно. А сколько надо?

– Столько, сколько можно попросить помочь. Надо напугать пришлых в их доме. Навести на них ужас и страх, что бы они задумались над тем, стоит ли тут вообще оставаться.

– Понятно. Сделаем, – ответил Рыжик, поднимаясь с места, – Ну что? Пойдем мы тогда?

– Да, если хотите, то идите, – Пуфик повернулся к Ному и Мону, когда Сина и Рыжик подбегали к щели, ведущей на улицу – вы у нас с насекомыми договорились?

– Да, – ответили близнецы хором.

– Тогда предупредите, чтобы атакowali этих работяг, если они поедут на своих машинах к лесу.

– Мы утром с насекомыми поговорим, – начал Ном.

– А то они спят уже, – закончил Мон.

– Да, конечно, – кивнул Пуфик, – Ромашка, Зубчик, Мушка и я берем на себя машины. Отправляемся сейчас. Остальные спать и набираться сил. Завтра новый день и, как я понял, начало вырубki.

В это же самое время в домике, в который утром заселились рабочие, шло небольшое совещание. Бригадир Виталий раздавал указания своим работникам, разложив на столе карту местности, на которой его больше всего интересовал план леса.

– Игорь, – обратился он к грузному, седоволосому мужчине, проводя красным карандашом линию по карте, – ты завтра поедешь в первой машине вот туда. Костя, с ним в машину пойдешь, понял?

– Да, что ж не понять, – ответил худой и высокий паренек.

– Лешка, Кирилл, вы во второй, но за рулем будешь ты, – и бригадир указал на коренастого мужчину с лицом усеянным забавными конопушками.

– А почему Кирилл снова? Моя же очередь, – тут же вмешался лысый парнишка.

– Ладно, Леха, ты поедешь. Только не как в тот раз, когда ты мне трактор умудрился перевернуть.

– Да ну я же извинился уже... – под дружные смешки, смутившись, ответил тот.

– Ну да, конечно, – хмыкнул в бороду Виталий, – Ну а мы с Федором, – и он кивнул в сторону пожилого мужчины, листавшего книгу, – на остальных двух. Все понятно?

– Да, – хором ответили ему рабочие и, свернув карту, разложили домино на столе.

В доме было тепло и тихо. Было слышно, как тикают старые часы, висящие на стене, как на стол опускаются костяшки домино. В граненные стаканы в подстаканниках, на дне которых лежал кусковой сахар, Федор наливал каждому вечерний чай. На улицу опустилась ночь.

Неожиданно из шкафа с посудой начали выпрыгивать чашки и блюда. Они падали на пол и разбивались на мелкие кусочки, создавая невообразимый шум, который настолько сильно контрастировал с тишиной до этого, что в доме начался кавардак. Сидевшие за столом повскакивали со своих мест, рассыпая костяшки на пол, впрыгнули в сапоги, стоявшие у входной двери и, кто в чем был, выбежали с дикими криками на улицу.

Мужчины стояли и тряслись от страха и холода на улице, боясь сказать хоть слово, а в доме продолжался погром. Бри-

гадир нервно гладил свою черную бороду и ходил из стороны в сторону, слушая, как все ещё бьются тарелки, чашки и блюда. Как неожиданно это все началось, так же оно и закончилось.

Но из соседних домов начали выходить люди, которых выгнали крики из их теплых постелек. Они подходили к беспокойным соседям, высказывая свое недовольство.

– Ну и что не спится? Мне вставать чуть свет, что бы Зорьку выгонять.

– Ой, городские.

– Что у вас там за праздник, хотя уж ночь на дворе?

– Да гнать их надо. Где председатель? Пусть с ними сам разбирается.

К забору подошла крупная женщина с пуховым платком на плечах.

– Ну и что стряслось, мальчики? – сказала она, злобно окидывая их взглядом.

– У нас там посуда летает, – сказал Костя, громче всех стуча зубами.

Остальные стояли, нервно переминаясь с ноги на ногу. Никто не верил в то, что только что предстало их взорам. Этого просто не могло быть!

– И это повод орать ночью? Тут половине деревни утром рано вставать. Мне завтра товар принимать в магазине, в котором вы будете продукты покупать, между прочим. Так что, вам со мной дружить бы надо. Виталина Ильинична я, про-

давец местный.

– Но там правда...., – продолжил тот же парень, хватаясь за сердце, но Виталина Ильинична не дала ему договорить.

– Что у вас там летает и как, сейчас посмотрю.

И, не дожидаясь приглашения, отворила калитку, быстро проскочила в дом и закрыла за собой дверь.

Из дома не раздавалось ни звука. Прошло уже несколько минут и мужчины забеспокоились.

– Ребята, а может ее уже того..., – кивая головой, проговорил снова Костя.

– Ну что ты несешь, – напустился на него Игорьь.

– Да не несу я ничего. Ты сам все видел, – ответил тот, сжимая кулаки.

– Ладно. Хватит, – выступил вперед Виталий, – пошли внутрь. Мало ли там и правда что с женщиной случилось. Она человек важный тут, как я понял. Все-таки продавец в единственном магазине.

Он подошел к двери, набрал в легкие побольше воздуха и зашел в дом.

Глава 8.

В доме был включен свет, в печи пылал огонь от вновь подброшенных поленьев, а Виталина Ильинична заканчивала подметать полы. Видавшая виды метелка, грязный и ржавый совок, да пластиковое ведро были ей в этом помощниками.

Когда бригадир открыл дверь в избу, то застыл от удивления и неожиданности, увидев такую картину.

– Так, мальчики, я уж не знаю, кто из вас тут начал этот ужас, но я все подмела, в печь дровишек подкинула. Еще ночами прохладно. Не забывайте про заслонку, – проговорила женщина, высыпая последние собранные осколки в ведро, – Значит на счет посуды договарюсь с нашими. Но, как я поняла, вам металлические надо кружки и тарелки.

– Спасибо вам за помощь, – с благодарностью в голосе проговорил бригадир.

– Тебя как звать-то, бородатый? – спросила женщина, кутаясь в свой пуховый платок.

– Виталий я.

– Слушай, Виталий, я женщина уже в возрасте, давление у меня шалит. Если у вас тут ещё кто-то, – сказав это, она закатила демонстративно глаза, – будет посуду кидать, то делайте это либо днем, либо тихо. Договорились?

– Договорились, – ответил мужчина и отошел от дверного проема, пропуская женщину.

Когда ее шаги стихли, то в избу стали подтягиваться рабочие. Проходили они, не говоря ни слова и не поднимая глаз. Каждый лег на свою кровать. Не хотелось больше ни веселиться, ни пить чай, ни разговаривать. Бригадир погасил свет и каждый остался со своими мыслями в ночной тишине.

Утро, как и каждое утро в деревне, наступило с первым

криком петуха. Ночь прошла беспокойно. Ни один из бригады рабочих не смог уснуть. Каждый вспоминал летающие тарелки, чашки и не мог до конца поверить в то, что видел.

За окном моросил мелкий дождик, темноту на улице ещё не растворила заря.

– Мужики, завтракаем и начинаем работу. Я всю ночь голову ломал над тем, что вчера произошло. Скорее всего было какое-то землетрясение, из-за чего и посуда вся попадала на пол, – высказал свою версию Виталий, поглаживая густую черную бороду.

Все дружно закивали. Послышались вздохи облегчения и смешки.

– Я тоже так подумал.

– Ну мы и зайцы.

– Да уж, а ещё взрослые дядьки.

– Точно. Мне ещё показалось, что вроде как земля под ногами зашевелилась.

Наперебой стали они поддерживать начальника.

Завтрак прошел быстро и легко. Бутерброды и чай из общей миски были очень кстати. Работа предстояла трудная и долгая, так что стоило подкрепиться на славу.

Когда мужчины подошли к своим машинам, то их ждал ещё один неприятный сюрприз.

– Виталя, а машина не заводится, – крикнул Игорь бригадиру.

– У нас тоже, – прокричал Федор, – Вон у Лехи такая же

проблема.

Из соседнего с Федором трактора выглянул из окна парнишка с озадаченным видом и кивнул.

– Да что за здасьте-то, – с раздражением проговорил Виталий, – Вылезайте. Будем вызывать помощь из города.

За колодцем, который располагался в метрах десяти от дома, рядом с которым и стояли эти огромные груды металла, называемые гордо машинами, сидели на кусочке полиэтиленового пакета, накрытого тканью, Пуфик, Мушка и Марта. Они радостно потирали свои маленькие ручки и улыбались. У них в запасе появилось ещё какое-то время, чтобы придумать новый план, чтобы ещё хоть ненадолго отложить, а может быть и полностью отменить, уничтожение их домов.

Все утро бригадир звонил, объяснял что-то кричащим на него в телефон рассерженным людям, нервно теребя бороду. К обеду стало ясно, что машины приедут забирать в ремонт только на следующий день. Сколько они будут в ремонте не ясно, но обещали как можно быстрее пригнать новые.

– Так, ребята, новости такие: нам пару дней дадут отдыха, потому что машин нет. Можете в город поехать к семьям. Когда мне сообщат, что техника в пути, я с вами свяжусь и вернетесь на рабочие места.

Все с радостью встретили эту новость и засобирались в дорогу. К тому времени дождик прошел и солнышко начало светить по-весеннему тепло и радостно.

Виталий вышел на крыльцо дома, провожая взглядом сво-

их товарищей, торопившихся на станцию, от которой в скором времени их должна была унести электричка в город. К семьям, к любимым, к тем, кто их всегда ждет. А Виталия не ждал никто....

Мужчина тяжело вздохнул и радостно улыбнулся солнцу, ощущая всем своим существом весну. Он радовался свободному времени, внезапной возможности прогуляться по округе, подумать, познакомиться с природой, с лесом, которого скоро может больше и не будет.

Виталий зашел в дом, захватить куртку и застыл на месте от удивления. Рядом с печкой стояла мышеловка, а в ней что-то активно шевелилось. Бригадир протер глаза и посмотрел снова. Нет, все правильно он увидел. Это что-то было похоже на маленькую куклу, в одежде, в смешной шапке, и именно эта кукла шевелилась, пытаясь выбраться из ловушки.

Бригадир медленно начал продвигаться к мышеловке. Кукла резко замерла, услышав приближающиеся шаги. Подойдя к непонятному существу, Виталий остановился и так же медленно нагнулся к нему.

Подняв мышеловку с пленником, он поднес эту находку к лицу. На него в изумлении смотрели ярко-зеленые маленькие глазки, в которых читался не просто испуг, а настоящий неподдельный ужас.

– Ты что такое? – шепотом спросил Виталий.

– Я гном, – ответил пленник, испугавшись своего собственного голоса и того, что заговорил с человеком.

– Ты галлюцинация?

– Да вроде нет. Но хотелось бы ей стать.

Виталий кашлянул в сторону и продолжил буравить взглядом гнома.

– Слушай, я понимаю, что ты удивлен, но может быть сможешь мне выбраться из этой железяки? – спросил гном, стараясь мило улыбаться, хотя его поджилки тряслись от страха.

– А, да, конечно, – растеряно ответил человек, – только с одним условием – ты не убежишь от меня.

– Договорились, – печально ответил гном.

Когда мышеловка была открыта, пленник вздохнул с облегчением и проговорил:

– Ну что ж, раз такое дело, то давай знакомиться. Я Пуфик.

– Я Виталий, – мужчина потер переносицу, опуская гнома на стол, и спросил, – А как это все возможно?

Пуфик усмехнулся.

– Ну, если ты чего-то не видишь, не означает, что этого не существует. Любая сказка и легенда имеет под собой какое-то реальное событие. И мы существуем.

– Мы? Так вас много?

– Достаточно, – Пуфик подошел к краю стола и громко позвал, – Гномы, выходите.

И Виталий увидел, как из-за печки вышли два других гнома. Точнее мальчик-гном и девочка- гном.

– У меня голова кружиться стала, – пробормотал мужчина, плюхаясь на деревянную скамейку.

– Понятное дело, – усмехнулся Мушка, держащий за руку, дрожащую от страха Марту.

– Почему вы меня не боитесь? – спросил мужчина, немного придя в себя.

Пуфик посмотрел серьезно на Виталия и ответил:

– Так а что тебя бояться? Мы сейчас разбежимся кто куда, а тебе никто не поверит, что ты нас видел. Мы же, как это у вас говорят, фольклор. Ну и больше так бездарно не попадемся в ловушку, – краснея, добавил староста гномов.

Мужчина поставил локти на стол, обхватив голову руками. Молча смотрел он на троицу, переваривая то, что видит.

– Так, а кто ещё существует? – спросил он.

– Кто интересуется? Домовые? – спросил у него Мушка.

Мужчина кивнул:

– Допустим, они.

– Есть, – ответил гном, карабкаясь на стол, – Тут в деревне в каждом доме один-два живут. Но только в жилых домах. В этом нет ни одного. Тут, пока вы не заселились, никто уже долгое время не жил.

– А вчера... Посуда... Это домовые или вы? – спросил мужчина, наклоняясь поближе к гномам.

Они переглянулись и виновато кивнули головами.

– Это домовые. Мы не хотели именно так, а они настояли. Сказали, что это эффективнее, – тихо ответила Марта.

Виталий смотрел на них, широко открытыми глазами и молчал. А потом неожиданно расхохотался. Он смеялся долго, громко, захлебываясь от смеха. Гномы смотрели на мужчину сначала настороженно. Неровен час, с ума сойти может. Не каждый готов встретиться с тем, что сложно объяснить. И сами не заметили, как смешинка бригадира попала к каждому из них в рот и они уже заливались смехом вчетвером.

Когда неудержимый смех закончился, Виталий посмотрел на них серьезно и спросил:

– Так почему вы ополчились против нас? Я так понимаю, наша техника вышла из строя тоже не сама по себе.

Глава 9.

Пуфик печально вздохнул:

– Да. Это были мы. Но мы против тебя или твоих друзей ничего не имеем. Мы против вырубки леса. Понимаешь, там наш дом. Каждое дерево – наш друг. Мы чувствуем их боль, их тоску и страх. Деревья дают кров не только нам, но и животным, птицам, насекомым. Не будет деревьев, не станет и нас. Мы очень хотим, чтобы наш дом, наш лес, оставили в покое. Мы хотим жить в мире и гармонии, как раньше. Люди из деревни, приходя в лес, спрашивают разрешения, чтоб собрать ветки, срубить дерево. Зачастую старое, которое уже само устало стоять и хочет уйти в покой и тишину. Мы не знаем, зачем вам, людям, это все надо. Мы не понимаем. У вас есть свои парки, которые вы сажаете, свои лесопосадки.

Про них известно и в деревне, и среди нас. Но зачем вам строить тут что-то ещё? Куда деваться нам – жителям лесов? Зверям и птицам, деревьям и травам? Вы не думаете о нас. Вам все равно, что будут разрушены гнезда, не вылупятся птенцы, погибнут лисята, крольчата, волчата, которым негде будет жить. Все в мире взаимосвязано и, разрушая что-то одно, вы рушите все. Понимаешь?

Виталий слушал гнома, хмурая лоб. Когда тот закончил свою речь, вопросительно посмотрел на мужчину.

– Так, понятно. Вы хотите спасти лес?

Гномы дружно кивнули.

– И поэтому устроили это все?

Гномы снова кивнули.

– Ну что ж. Я вас понимаю и ни капельки не сержусь. Вы правильно делаете, что заступаетесь за свой дом. Но проблема в том, что, если даже уйдем мы, то придут другие рабочие и привезут другие машины. Ваш лес, если не мы, то другие вырубят.

– Это мы понимаем, – ответил Пуфик.

– Так что же нам делать, человек? – спросила Марта, едва сдерживая слезы, – Неужели все напрасно? Неужели вы разрушите наши прекрасные дома?

Мужчина хмуро посмотрел по сторонам.

– Нет, не разрушим. По крайней мере сейчас. Я могу притормозить на пару недель это все. Придумаю что-нибудь. Да и ребята рады будут дома отсидеться, а я ... – он немного по-

мялся, – мы что-нибудь придумаем, – повторил он, и гномы радостно захлопали в ладоши и принялись обниматься, – но без порчи чужого имущества, – добавил мужчина, погрозив пальцем.

Виталий достал телефон из кармана рабочих штанов, поднялся со скамейки и направился в сторону двери. Но, вдруг вспомнив что-то важное, обернулся и сказал гномам:

– Мне надо позвонить. Только никуда не уходите. А то я поговорю, вернусь и вас не окажется тут, тогда точно решу, что сошел с ума.

Гномы дружно закивали головами.

Виталий закрыл плотно дверь в избу и гномы услышали его приглушенный голос, доносившийся с улицы. Марта, Пуфик и Мушка сидели на столе в полной тишине. Только муха, летавшая по комнате, нарушала ее. Она покружила над маленькими человечками, приземлилась и подошла к Мушке. Тот погладил ее по спине и вытащил крошку хлеба из кармана полосатых штанов.

– Угощайся, бедолага, – сказал он мухе, теребя ту за переднюю лапку.

– А может он сейчас вернется с клеткой и нас поймает? Что тогда делать будем? – с испугом в голосе проговорила Марта.

Пуфик и Мушка посмотрели на нее, понимая, что она права. В их головах крутились такие же мысли, которые они отгоняли от себя с той силой, на которую были способны.

– Ну погоди. Не стоит паниковать раньше времени. У нас выбора все равно нет. Он прав. Если не они, то кто-то другой приедет. Они же по сути только инструменты в руках тех, кому нужен наш лес. А точнее его территория, – проговорил Пуфик.

– Да, ты прав. Ты прав, – прошептала Марта.

Мушка гладил муху и молчал, поглядывая периодически на дверь.

– Давайте тогда так сделаем. Если человек войдет и у него будут руки за спиной, то мы быстро с вами разбегаемся по разным сторонам. Везде есть щели и мы в них спрячемся. В любом случае, удрать сможем, а потом встретимся в доме на окраине и уже тогда будем решать, что дальше делать.

Когда минутная стрелка на старых часах сделала полный круг, то наконец-то со скрипом открылась дверь и появился Виталий. Он был задумчив, на щеках, покрытых густой щетиной, пробивался румянец. Бригадир подошел к столу, держа руки в карманах и сел, не глядя на гномов.

– Ну? – спросила, не выдержав напряжения, Марта.

– Позвонил в пару мест. Объяснил ситуацию, – он посмотрел на испуганных гномов, – да не бойтесь. Про вас я само собой ни слова не сказал.

Гномы с облегчением выдохнули.

– А что ты именно говорил и с кем? – поинтересовался Пуфик.

– Да вам-то не особо имена и названия что-то скажут. Но

надо просто ждать.

– Давай ждать, – проговорил Мушка, – Только вместе.

– Да я не против, – ответил мужчина, – Есть хотите?

Гномы дружно кивнули.

– Тогда сейчас поесть приготовлю, а вы зовите, кого хотите, на обед. Судя по вашим размерам, кастрюли должно хватить и на меня, и на вас, – улыбнувшись, сказал мужчина.

Дни бежали за днями, ночи за ночами. За неделю деревенские привыкли к Виталию и относились уже как к своему. Он сидеть на месте без дела не мог, поэтому был рад помочь то старушке соседке починить покосившийся забор, то нарубить дров, то печку перебрать кому-то из соседей. Люди по вечерам заглядывали к Виталию в гости поболтать, угостить вкусными пирогами или квашеной капусткой, а гномы ждали его за печкой, прячась от гостей и выходили только тогда, когда бригадир бывал в избе один.

– Ну что, малыши, – ласково позвал их как-то вечером, возвратившись от соседей, мужчина, – Новости у меня есть для вас. Завтра приедут телевизионщики и газетчики. Будут снимать про ваш лес передачу, да ещё пару статей выпустят в журналах и газетах. Вроде процесс пошел и, будем надеяться, удастся нам отстоять ваши дома.

– Ура! – заплясали радостно гномы.

Ромашка и Зубчик, обнимались, кружась на полу в танце. Пуфика подбрасывали на руках Рыжик, Ном с Моном и

Мушка, а Марта с Синой смеялись, вытирая слезы счастья, катившиеся по щечкам.

– Рано радоваться. Утро вечера мудренее, – проговорил Виталий, подходя к столу и разворачивая ещё теплый огромный пирог с капустой, завернутый в бумагу и газеты, – Давайте ужинать и спать.

Глава 10.

Утром, как только в домике закончился завтрак и довольные гномы развалились на печке, все ещё теплой с ночи, в дверь раздался стук.

– Прячьтесь, – громко прошипел им Виталий.

Гномы за секунду как-будто растворились в пространстве. Мужчина сгреб со стола всю маленькую самодельную посудку, из которой трапезничали гномы, в таз, стоявший под столом и пошел открывать дверь.

– Доброе утро, Виталий, мы, надеюсь, вас не разбудили? – спросила высокая худая кудрявая женщина, проходя в дом, не дожидаясь приглашения, – мальчики, заходим, – прокричала она, обернувшись назад, и махнула кому-то невидимому рукой.

Тот час же изба наполнилась людьми, а в лицо Виталию начали тыкать диктофонами, телефонами и наводить на него камеры и фотоаппараты. Большая комната в доме превратилась в консервную банку со шпротами, аккуратно и тесно прижимавшимися друг к другу.

Мужчина отвечал то на один вопрос, то на другой, летевшие с разных сторон.

– Ну что ж, Виталий, ведите нас в ваш лес, – с улыбкой проговорила кудрявая девушка, вертя микрофон в руках, когда первая порция вопросов иссякла.

– Идемте, – смущаясь от такого обилия внимания, проговорил бригадир.

Когда изба опустела, гномы вылезли из своего укрытия.

– Думаешь, получится? – спросил Мушка.

– Надеюсь, – ответил другу Пуфик.

Когда ночь закутала в темное покрывало деревню и лес, дверь в избу отворилась и зашел, еле держась на ногах, Виталий.

– Ой, устал, – проговорил он, плюхаясь на ближайшую от двери кровать.

С печки раздались голоса:

– Ну как там?

– Расскажи, что было-то.

– А они уехали или ещё вернутся?

Мужчина лежал с закрытыми глазами, закинув руки за голову, и улыбался.

– Я думаю, что все получилось, – пробормотал он и погрузился в спокойный сон.

Гномы сидели на полу у печи, смотря на маленькое пят-

нышко огня, которое светило из-за щелочки дверцы печки.

– Никогда не думал, что буду растапливать печь для человека, – смеясь, проговорил Мушка.

– Да уж. И не говори, – пробормотала Марта, дожевывая кусочек бублика.

Пуфик сидел молча и смотрел на печку. В его голове сейчас крутилось столько разных мыслей, иногда пугающих, иногда вселяющих надежду и веру в то, что все получится у них. У гномов и у человека, взявшегося помогать.

Ночь прошла незаметно, даря долгожданные отдых и покой.

– Да не кричите вы так, Олег Алексеевич, – слышался голос Виталия, говорившего по телефону, – Вы не понимаете, что вы собираетесь сделать? Да я понимаю, куда мне идти и где мое место, прекрасно понимаю. Да, что я уволен тоже прекрасно понимаю, но не собираюсь менять своего мнения. ...Нет, меня не наняли ваши конкуренты, просто у меня сердце есть и мозг. Не только спинной, представьте себе.Адвокат? Прекрасно. Я давно с ними не общался. Всего хорошего.

Виталий вошел в комнату, где уже с печки выглядывали гномы. Мужчина прошелся несколько раз от одной стены комнаты до другой, насвистывая какую-то веселую песенку себе под нос, хотя вид у него явно был задумчивый и грустный.

– Ну, малыши, вот и все, – проговорил он, садясь на кро-

вать, – я теперь официально безработный, да ещё со мной разбираться будут по поводу того, что я обманом остановил вырубку леса, да ещё и журналистов созвал.

Закончив свою краткую речь, он улыбнулся и посмотрел на испуганные лица своих слушателей.

Гномы застыли на месте, боясь пошевелиться. Неужели все пропало? Что же теперь будет?

– Да не волнуйтесь, – успокоил их Виталий, – уже ничего обратно не отыграть. В газетах, на телевидении уже все появилось. Скоро приедет проверка, как мне сказала вчера Марина.

– Это та красивая девочка с кучеряшками? – спросила Марта.

Виталий немного смутился и кивнул.

– Так ещё не все потеряно? – с надеждой спросила Ромашка.

– Конечно нет. Сейчас будут проверять документы этой фирмы, которая нас наняла, потом будут какие-то там умные люди по лесу вашему ходить и выискивать редкие растения, зверей из Красной книги, а там может и вообще заповедник сделают. Кто знает? Главное, что на данный момент вам бояться нечего.

День за днем в течение недели приезжали и уезжали какие-то люди. Одни ходили с камерами, другие с папками, из которых выглядывали исписанные бумаги. Но все кивали головами, улыбались Виталию и жали руку. Гномы ждали, не

задавая лишних вопросов, а только благодарно слушали те новости, которые приносил человек, ставший другом.

Потом наступило затишье. Изредка раздавался звонок на телефоне мужчины, после которого он приходил в избу либо радостным, либо задумчивым.

Лето стало вытеснять весну. Вокруг зеленела трава, распускались цветы. Солнышко ласково прогревало землю, чтобы потом она, тёплая и напитанная, дарила сочные ягоды, фрукты и овощи. В деревне жизнь текла своим чередом. Виталий починил за это время избу, поменял крышу, обзавелся новой посудой и холодильником.

– Слушай, а ты вообще домой не собираешься, не волнуешься – как там твой дом без тебя? – спросил его как-то Пуфик, когда они сидели на берегу все ещё прохладной, но чистой и веселой речки.

– Да здесь мой дом, – ответил ему мужчина.

– Как здесь? – удивился гном.

– Да так вот. Я же сам деревенский. Закончил школу, потом уехал в город. Там учился в техникуме, потом как-то не с теми людьми подружился и ... В общем, было плохое время, трудное. Пока жизнь проходила мимо, мне уже стало некуда возвращаться. Я собрал свою бригаду и мы то тем, то этим занимались. А вот видишь как оно получилось, сколько не бегал, а все равно вернулся туда, где лучше всего жилось, где был по настоящему счастлив. В деревню, к лесу, к речке. К просторному небу и чистому воздуху...

Пуфик посмотрел на человека и удивленно проговорил:

– Знаешь, нас всегда пугали людьми. Говорили, что вы все злые, что у вас сердца нет. А оказывается есть среди вас гномы.

Виталий улыбнулся.

– Ну да, наверное я гном, только большой. Знаешь, мне радостно даже, что так получилось.

Посадив Пуфика на ладонь, мужчина поднялся и пошел в сторону своего дома. Своего нового дома.

Глава 11.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как община гномов в спешке покидала свои дома. Тяжелые, долгие месяцы, приносившие только печаль. И вот теперь, когда белки принесли ко временному их пристанищу радостную весть, о том, что лес спасен, все засобирались домой.

– Домой! Мы едем домой! – радостно несло над вереницей тележек, скрипящих колесами под тяжестью посуды, вещей и запасов еды, возвращавшихся в свой дорогой и любимый лес.

Ночью казалось, что сама Луна освещает гномам путь. А звезды как-будто бы радостно подмигивают и подгоняют путников:

– Давайте быстрее, быстрее. Еще совсем немного осталось.

В каждом доме-дереве горел светлячок, аккуратно постав-

ленный на окошко Мушкой и Мартой. Было прибрано и на столах путников ждал ужин. Да не простой, а приготовленный человеком! Бутерброды из черного хлеба, масла, колбасы и сыра. Такого лакомства гномы никогда и не пробовали!

– Смотрите, они уже рядом! Я их вижу, – радостно хлопала в ладоши Ромашка, выбегая на встречу возвращавшимся гномам.

И снова объятия на фоне телег, и снова слезы, только в этот раз – слезы радости.

На следующий день, когда все выспались и разобрали вещи, к Пуфику в дверь постучал Завиток. Налив в плюски чай, усевшись на диванчики у камина, гномы начали разговор.

– Ну что ж, – сказал старый гном, – ты молодец. Вы все молодцы. Смогли спасти наш лес. Наши дома. Пуфик, я горжусь тобой и рад, что нашел себе достойную замену.

– Как это? – непонимающе посмотрел на него гном.

– Да вот так, Пуфик. Я ухожу на пенсию. Слишком стар стал. Да и устал, если честно. Ты молод, храбр, умен. А ещё у тебя такие верные и преданные друзья, которые не побоялись пойти против сильных противников – людей. Я верю, что ты станешь прекрасным старостой и с тобой наша община будет только процветать.

Завиток протянул руку Пуфику.

– Ты согласен?

Гном колебался. Ответственность такая большая, а он....

Да почему бы и не согласиться?

– Я согласен, – проговорил тот, протягивая руку уже бывшему старосте.

– Тогда ночью на общем собрании я передам тебе полномочия официально, а сам займусь рыбалкой, да поживу немного в деревне. Домовые же там хорошие, согласишься?

– Да. Без них у нас ничего не получилось бы. И ещё без одного.... гнома. Только он больше нас, – проговорил Пуфик и рассказал Завитку все, как было.

– Ну вы и отчаянные, – смеясь, проговорил Завиток, когда Пуфик закончил рассказ, ожидая осуждения и укоров в свой адрес, – Я тоже когда-то был знаком с человеком.

Пуфик удивленно посмотрел на гостя:

– Да... Хотя это было больше ста лет тому назад. Это был маленький мальчик, который часто приходил со мной поболтать в наше с ним секретное место в лесу. Он меня когда-то спас из силков, поставленных его отцом. А потом мальчик заболел и больше я его не видел. Люди тоже могут быть хорошими, когда захотят. И я рад, что тебе встретился именно такой человек.

Пуфик с облегчением выдохнул и хлебнул ароматную теплую жидкость из своей чашечки.

Жизнь в лесу и деревне потекла своим чередом. Лето сменялось осенью, потом приходила морозная и белоснежная зима, за ней опять весна. И ему на смену снова чинно следо-

вало лето. Пролетали года. За это время дружба между Виталием и гномами только крепла. Мужчина занялся сельским хозяйством, открыл свою ферму в деревне. А однажды он появился в лесу не один, а с маленькой девочкой, у которой были большие карие глаза и кучерявые волосы. Она охотно делилась печеньем с гномами и слушала их рассказы о прошлом, о настоящем и о будущем.

– Никогда бы не мог подумать, что гном сможет стать мне другом, – как-то летним вечером сказал Виталий Пуфику, сидевшему с ним на берегу речки.

– А я не думал, что человек умеет дружить, – ответил тот, протягивая свой кулачок, чтобы стукнуть его о большой кулак такого сильного и доброго мужчины.

Солнце садилось за горизонт, окрашивая розовым светом поля и верхушки деревьев, благодарных за то, что они ещё долгие века могут жить и давать кров и приют животным, птицам и гномам.